

Юридические исследования

Правильная ссылка на статью:

Попова Ю.Е. Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках // Юридические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-7136.2024.12.72489 EDN: ZFOIUF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72489

Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках

Попова Юлия Евгеньевна

независимый исследователь

620041, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, Трамвайный пер., 2/2, кв. 72

✉ yulya.kiss.popova@mail.ru

[Статья из рубрики "Человек и государство"](#)

DOI:

10.25136/2409-7136.2024.12.72489

EDN:

ZFOIUF

Дата направления статьи в редакцию:

27-11-2024

Дата публикации:

25-12-2024

Аннотация: Статья посвящена описанию феномена правовых архетипов и их отражению в русских народных сказках. Выделение данных архетипов в определённой степени условно, так как эти элементы коллективного бессознательного не даны как непосредственная эмпирическая реальность. Правовой архетип возникает и существует независимо от воли людей, находит своё отражение в мифах, религии и сказках и выражается в поступках, высказываниях героев и в мотивах их действий. В результате анализа сказочных текстов выявлено несколько правовых архетипов: архетип эквивалентности, порядка, собственности, власти, личности. В предмет исследования входят закономерности формирования соответствующих правовых архетипов. Объектом исследования являются сказочные тексты, содержащие правовые сюжеты или отражающие правовые и предправовые идеалы, установки, ценности. Основанием

исследования является диалектический метод, в рамках которого применялись отдельные частные методы исследования, такие как: метод анализа, абстрагирования, индукции, моделирования, а также социокультурный подход. Новизна исследования заключается в следующем. Природа правового архетипа исследовалась в трудах отечественных ученых, где ряд правовых архетипов не имеют "юридического содержания", содержат, скорее, "политический" контекст и весь анализ правовых архетипов сводится к исследованию "публичной" сферы жизни человека, оставляя за пределами рассмотрения "частную" жизнь. Выводится собственное определение правового архетипа, насыщенное полным содержанием и отражающее чисто "юридические" аспекты социального бытия. Архетипы коллективного бессознательного оказывают значительное влияние на процесс правовой социализации и составляют в своей совокупности матрицу правового поведения. Делается вывод о разной степени обобщённости данных архетипов. Каждый из них может быть «раздроблен» на несколько других архетипов, каждый из них пересекается и взаимосвязан с другими. Тем не менее, все перечисленные правовые архетипы отвечают основным их признакам: а) они представляет собой структурный элемент коллективного бессознательного, то есть их существование не зависит от психических процессов отдельно взятого индивидуума; б) они не поддаются непосредственному эмпирическому наблюдению, а проявляют себя косвенно, выражаясь в мифах и сказках; в) они типичны и повторяемы; г) они универсальны, проявляются в сюжетах, которые очень схожи у народов разных культур.

Ключевые слова:

Правовое сознание, коллективное бессознательное, правовой архетип, ранние правовые идеи, правовая культура, архетип эквивалентности, народные сказки, Юнг, архетип собственности, феномен сказки

Результаты исследования русских народных сказок на предмет отражения в них ранних правовых идей позволяют сделать вывод, согласно которому *сказка представляет собой систему отражения и трансляции культурных ценностей, которые, в свою очередь, включают в себя зарождающееся и развивающееся правосознание. Для исследования системы отражения и трансляции культурных ценностей, связанных с "юридическим" элементом в русских народных сказках необходимо обратиться к феномену архетипа, а также сформулировать и обосновать понятие правового архетипа.*

Термин "архетип" введен в широкий научный оборот К.Г. Юнгом. В юридической литературе уже ставился вопрос о природе и определении правового архетипа. Природа правового архетипа исследовалась в трудах таких отечественных ученых как: В.Н. Гулияхин, А.В.Краснов, О.И. Мирошниченко, А.В. Мурунова, А.В. Скоробогатов, О.А. Строева, М.Г.Тюрин и других. В настоящее время отсутствует четкое определение правового архетипа, который выступает в качестве первичного образа, структурного элемента бессознательного, неведомой силы и подобных явлений. Отсутствует исчерпывающий перечень основных архетипов, и, следовательно, отсутствует их классификация. В отечественной науке дано несколько определений феномену правового архетипа, даны примеры правовых архетипов, указываются некоторые их функции. Однако ряд правовых архетипов не имеет "юридического" содержания. Исходя из данных выводов, следует полагать, что возможно дать определение правового архетипа.

Правовой архетип — это элемент коллективного бессознательного, представляющий

собой универсальные, типичные, существующие независимо от воли людей прообразы идей о справедливости (соразмерности), норме и мере, проступке и воздаянии, свободе, имуществе, сущности договора и его силе, власти и суде. Правовой архетип возникает и существует независимо от воли людей, находит своё отражение в мифах, религии и сказках и выражается в поступках, высказываниях героев и в мотивах их действий.

Отмечая *архетип эквивалентности* можно сделать вывод, что он является универсальным правовым архетипом, проявившим своё разнообразное проявление в русских народных сказках. Этот правовой архетип отражается в представлениях о личном или имущественном возмездии, в представлениях о награде за добрые дела, в представлениях о справедливом обмене вещами, волшебными предметами, символами. В проявлении этого архетипа участвуют сказочные герои, силы природы и волшебные силы. Все они, в той или иной степени, участвуют в процессе торжества справедливости [9].

В результате анализа сказочных текстов выявлено несколько правовых архетипов, одним из которых является *архетип порядка*.

В русских народных сказках представления о норме и мере отражены, в основном, в двух контекстах: это описание существующего или долженствующего порядка вещей, или же отклонение от него. Порядок и норма выражены очень разнообразно. Встречаются представления о государственном (служебном) порядке), о социальной иерархии, о правилах супружеских и семейных отношений, о незыблемости договоров.

Незыблемый порядок вещей проявляется в сказках очень разнообразно и касается всех сфер человеческой жизни. В упомянутой ранее сказке «Смерть петушка» получение какого-либо предмета через предоставление другого воспринимается героями сказки и рассказчиком как норма. Несмотря на чрезвычайные обстоятельства, грозящие петушку смертью, никто не отступает от заведённого «испокон веков» порядка эквивалентного обмена. В этой сказке отражается незыблемость установленных правил и непререкаемость их авторитета. Интересное отражение вселенского порядка можно найти в сказке «Кочет и курица» [8, с. 49]: «Волк, волк! На что ты у свиньи поросёночка унёс? — Я есть хотел, мне Бог повелел». Очень показательный пример. Несмотря на то, что явно в поведении волка прослеживается отклонение от нормы — унёс поросёночка — оказывается, это оправдано, и более того — санкционировано Божественной волей, то есть это норма, установленный порядок. С одной стороны, в сказках о животных мы видим «человеческие лица», и эти сказки, конечно же о людях, но в данной сказке есть отсылка к порядку природного мира — как высшему вселенскому порядку.

В сказке «Морозко», нормой является то, что Морозко убил старухину дочь. Это описано как проявление нормы. Можно только полагать, что за этим стоит: или просто расправа над отрицательным персонажем, или же (что кажется более вероятно) — расплата за посягательство на сакральные смыслы. Отсутствие хороших речей в адрес Морозко, пренебрежение его сакральным авторитетом, неумение разглядеть этот авторитет, — всё это посягательство на мировой порядок, включающий в себя реальный человеческий мир и волшебный, сверхчеловеческий. В итоге и жестокая расплата, которая, повторим, описана как совершеннейшая норма. Посягательство на сакральные объекты — грубое отступление от нормы. В сказке «Золотая нога» [10, с. 87] бедная племянница потревожила могилу тётки, за что и поплатилась своей жизнью: «Вот каково покойников тревожить!».

Архетип порядка выразился и в незыблемости договоров, о чём речь пойдёт ниже. При

этом, сказочные герои, иногда, могут с лёгкостью нарушать заключённые договоры, но чаще всего они соблюдаются. Особенной силой обладают договоры, заключённые с волшебной силой. В сказке «Морской царь и Василиса-Премудрая» [\[8, с. 175\]](#) такой договор заключён между царём и всесильным морским царём, причём, предметом является сын царя — его нужно отдать морскому царю. Исполнение жестоких условий договора воспринимается как норма. И его нельзя нарушить не только потому, что договоры нужно соблюдать, но и потому, что за ним стоит волшебная сверхчеловеческая сила.

Представления о норме и мере выразилось и в описании семейных правил. В сказке «Солнце, Месяц и Ворон Воронович» [\[8, с. 61\]](#) отец выдаёт замуж (или приносит в жертву волшебным силам) дочерей без их согласия. В сказке «Жар-птица и Василиса-Царевна» [\[8, с. 137\]](#) нормой является похищение главным героем царевны. Похищение здесь становится основанием для заключения брака. Или пример: «Он (царь) её и спросил, за кого она хочет выйти? Царевна говорит: — За того, кто меня воровал!» (сказка «Семь Симеонов») [\[8, с. 95\]](#). В некоторых сказках заключению брака предшествует одна из форм ордалии — жребий. В сказке «Царевна-лягушка» [\[8, с. 214\]](#) такой жребий, воспринимаемый как абсолютно нормальный способ найти невесту и стал началом сюжета.

В большом количестве сказок отражается традиционный патриархальный уклад семьи, основанный на безоговорочной власти отца. Типичным сюжетом является проявление отцовской воли по отношению к сыновьям, выражающийся в многочисленных задачах: найти, добыть, принести — невесту, богатства, волшебные предметы. В некоторых сказках отцовская воля живёт и после его смерти. В сказке «Об Иванушке» [\[10, с. 174\]](#), умирающий отец повелевает: «Вы, дети на могиле моей откараульте три ночи». Это явилось завязкой сюжета.

Совершенно неожиданное проявление нормы в семейных отношениях можно увидеть в завязке сказки «Мизинчик» [\[10, с. 11\]](#), где отец отвёз детей в лес, так как не мог их прокормить: «А я вот, что думаю, Пелагеюшка, не свести ли мне половинку их (детей) к барину, может которого возьмёт в услугу! А барин не примет, так просто хошь в лес заводи, да и бросай их там как котят!». Такое «прагматичное» отношение к младшим и зависимым членам семьи отражает древние, жестокие (на взгляд современного человека) семейные правила, проявляющиеся в истории разных народов. Исследователи дали описание такого аспекта из жизни племени аче: «Учёные зафиксировали случай, когда заболевшего и не поспевавшего за соплеменниками мужчину средних лет просто оставляли сидеть под деревом... Когда старуха становилась бременем для своих сородичей, кто-то из мужчин помоложе, подобравшись со спины, приканчивал её ударом топора в затылок... в другой раз мужчина убил маленького мальчика, потому что «был не в настроении, а ребёнок плакал». Другого ребёнка похоронили заживо, потому что «он был какой-то странный и дети над ним смеялись» [\[14: цит. по 12, с. 69–70\]](#).

Архетип порядка наиболее ярко отражается в сюжетах, где описывается отклонение от нормы. В сказке «Лиса-исповедница» [\[8, с. 24\]](#) упоминается отклонение от установленного порядка: «Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жён, а на исповеди не разу не бывал». Духовная жизнь, выраженная в покаянии — безусловная норма. В «Сказке о

Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» [\[8, с. 55\]](#) отклонением от нормы является захват Ершом озера и нарушение установленного в нём порядка. В сказке «Орёл и птицы» [\[8, с. 67\]](#) явным отклонением от нормы описывается сюжет, в котором сокол посягает на царский титул. Причём в этой сказке среди птиц установлена чёткая иерархия, отражающая социальное устройство общества. Такое посягательство открыто порицается: «Точно ты, сокол, высоко летаешь, на лету всякую птицу побиваешь, а зачем же ты хвалишься, орловским царским именем называешься? Царь орёл узнает, вам с сорокой худо будет».

Социальный порядок, основанный на иерархии, описывается во многих сказочных сюжетах. В сказке «Царевна - Несмеяна» [\[8, с. 227\]](#) дана художественная оценка иерархичности человеческого общества: «Живут роскошные — и празднуют, живут горемычные — и трудятся; каждому своя доля!». Также и в сказке «Горе» [\[8, с. 232\]](#) подчёркнут статус брата-бедного родственника, причём брат этот не пытается изменить неравенство между ним и родным старшим братом, воспринимает своё положение как справедливое и нормальное.

В упомянутой нами ранее сказке «Жадная старуха» [\[10, с. 162\]](#), отражается посягательство на установленный вселенский миропорядок, а именно, желание героев сказки «стать богами». Это описано как грубое нарушение нормы, за которое последовало жестокое возмездие — потеря человеческого облика в виде волшебного превращения их в медведей.

Отклонением от нормы в сказках считается простое нарушение справедливости. В сказке «Мужик и змея» [\[10, с. 139\]](#) нарушение справедливости заключается в том, что она собралась съесть мужика, при том, что он её спас. Характерна горькая ирония мужика по этому поводу: «Ну, добро всегда злом оплачивается», в которой отражены социальные проблемы действительности. Примером грубого нарушения нормы, установленного порядка является описание убийства сонного человека, данное в «Сказке об Иване-Царевиче, жар-птице и о сером волке» [\[8, с. 125\]](#). Причём в этой сказке даётся однозначная оценка этому нарушению нормы: «Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили». Честный поединок, упоминаемый в сюжетах очень многих русских народных сказок, является проявлением двух правовых архетипов. С одной стороны, он отражает *архетип эквивалентности*, в том случае, если он является возмездием за обиду, преступление. С другой стороны, поединок (ордалия) — проявление *архетипа порядка*, потому как выступает общепризнанным способом разрешения споров, причём способом, санкционированным высшими силами, то есть отражающий вселенский, сверхчеловеческий порядок.

В отношении насильственного заключения брака русские народные сказки достаточно лояльны и отражают «нормальность» данного института. Однако всё зависит от того, кто похищает невесту: если положительный герой, то это не нарушает установленный порядок, а если же отрицательный, то это описывается как серьёзный проступок, за которым следует возмездие. Так в сказке «Никита Кожемяка» [\[8, с. 97\]](#) отражён насильственный брак — похищение царевны змеем, причём этому похищению придан отрицательный характер, во многом благодаря тому, что змей — отрицательный герой, олицетворяющий силы зла. За этот проступок он и был убит главным героем сказки в честном бою. Кроме того, не только похищение невесты, но и предложение брака замужней женщине (сказка «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» [\[8, с. 59\]](#)) воспринимается как грубое нарушение нормы: «где же это видано, где же это

слыхано: от живого мужа жену отбивать! Каков ни на есть, хоть простой стрелец, а мне он — законный муж». Примечательно, что нарушает это старинный священный порядок сам король. И применяет все доступные властные средства для достижения своей нечестной цели. Однако выше королевской власти оказывается волшебная сила в виде героев сказки — жены стрельца и Шамат-разума — нематериализованного субъекта. И данная волшебная сила помогает главному герою одолеть короля, тем самым поддерживаются незыблемые нормы и укрепляется порядок. Как и во многих других сказках, здесь видится проявление компенсаторной функции. Сказка в который раз помогает человеку примириться с действительностью и пусть только в воображаемом (но, не менее, реальном) мире, но устанавливает незыблемость порядка, которому должна следовать и королевская власть, что является ярким проявлением *архетипа порядка*.

Достаточно ярким отражением *архетипа порядка* является нарушение нормы и меры, выраженное в проступках героев сказок. Наверное, самым распространённым проступком в русских народных сказках является хищение. В сказках о животных главной преступницей оказывается лиса, которая в силу своей хитрой натуры не просто крадёт вещи, но и осуществляет хищение путём злоупотребления доверием, как это, допустим, описано в сказке «За лапоток — курочку, за курочку — гусочку» [8, с. 19]. Примечательно, что в сказке «Лисичка-сестричка и волк» [8, с. 18], лиса путём обмана похитила рыбу из воза, но при этом возмездие её не настигло, она осталась в выигрыше. В волшебных сказках хищения часто совершаются представителями сверхъестественных сил. Так в «Сказке об Иване-Царевиче, жар-птице и о сером волке» жар-птица крадёт золотые яблочки. В сказке «Хитрая наука» [8, с. 197] отображена целая серия мошеннических сделок. В сказке «Клад» [8, с. 204] мошенником выступает поп, который в последствии поплатился своим обликом — был превращён в чёрта. В сказке «Три брата» [10, с. 148] происходит серия хищений: сперва братья воруют у младшего деньги, затем хозяйка дома крадёт у него же волшебные предметы.

В некоторых сказках фигурирует повреждение или захват имущества. Так в хрестоматийной сказке «Лиса, заяц и петух» [8, с. 22], лиса захватывает лубяную избушку, принадлежащую зайцу. А в сказке «Волшебная дудочка» [8, с. 34] повреждение имущества выражено в виде вытапывания пшеницы (типичный проступок, встречающийся во многих волшебных сказках) волшебным персонажем — Лесовиком.

Можно найти много примеров совершения преступлений против личности: похищения, убийства, заточения, нарушения личной неприкосновенности. В сказке «Кот, петух и лиса» [8, с. 35] отражено похищение петуха лисой. При этом в качестве самозащиты кот берёт в заложники детей лисы. В сказке «Волк и коза» [8, с. 41] волк съедает козлят. В сказке «Терёшечка» [8, с. 71] главный герой похищен представительницей сил зла — ведьмой. В сказке «Марья Моревна» [8, с. 102] Кощей похищает главную героиню и убивает её спасителя. В сказке «Пёрышко Финиста Ясна Сокола» [8, с. 182] злые сестрицы искалечили Финиста. Нарушением установленного порядка и вторжением в неприкосновенность частной жизни можно признать тайные визиты царевича к королеве в сказке «Деревянный орёл и Царевич-метатель» [10, с. 72].

Отдельной категорией проступков является посягательство героев на семейный уклад. Это и обман мужа женою, как в сказках «Звериное молоко», «Муж да жена», «Про казака», и супружеская измена в сказках «Чудесная рубашка», «Лукавая жена», «Диво дивное, чудо чудное» и предложение королём замужества замужней героине в сказке

«Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» [2–6]. Причём данные проступки караются или смертью или очень жестокими физическими наказаниями. Семейные распри отражены в типичном сюжете борьбы между братьями, отмеченном ещё К. Г. Юнгом [13, с. 66]. Так в сказке «Три царства — медное, серебряное и золотое» старшие братья в борьбе за невест пытаются убить младшего брата. Также в «Сказке об Иване-Царевиче, жар-птице и о сером волке» главный герой был убит своими братьями. Типичным сюжетом русских народных сказок являются обман, воровство, оставление в опасности, которые совершаются старшими братьями против младшего.

И ещё очень важная серия проступков — посягательство на сакральные предметы и смыслы. К таким проступкам относятся желание героев стать богами в сказке «Жадная старуха» [8, с. 53], сожжение лягушачьей кожи в сказке «Царевна-лягушка» [8, с. 214], несанкционированное проникновение старухи в небесную избушку в сказке «Небесная избушка», посягательство на могилу в сказке «Золотая нога» [8, с. 218].

Проступки, описанные в русских народных сказках, очень ярко отражают *архетип порядка*. Как правило, все они жестоко наказываются или самими главными героями, или властью, или волшебной силой. Поддержание порядка — одна из генеральных задач человеческого общества, которая решается в бескомпромиссной и, зачастую, в кровопролитной борьбе. Сказки же, в свою очередь, очень ярко и художественно отобразили эту борьбу.

Пожалуй, самым интересным явлением в анализе архетипических образов в сказках является «конкуренция» правовых архетипов. Весьма распространённым элементом сюжета сказки является совершение главным положительным героем отрицательных поступков, которые не имеют отрицательной характеристики в самой сказке.

Например, в сказке «Вещий сон» [8, с. 189] главный герой — Иван, купеческий сын крадёт у трёх безобидных стариков шапку-невидимку, ковёр-самолёт и сапоги-скороходы. В сказке «Хитрая наука» отражено заключение мошеннических сделок положительными героями, при этом их действия описываются как удаль, проявление смекалки. Ещё более оправданным выглядит обман чертей главным героем в сказке «Заколдованная королева» [8, с. 217]. Ради справедливости нужно отметить, что в этой сказке отражён не столько обман, сколько борьба добрых сил со злом, где способы этой борьбы заранее индугированы. В упомянутой ранее сказке «Горшения» главный герой, по сути, хитрый и ушлый персонаж, который добился монополии на производство горшков только лишь за то, что отгадал царскую загадку. При этом он бессовестно завысил цену на свои горшки, а при рассмотрении спора с жадным барином, царь повысил его социальный статус: «Ну, братец, снимай, слышь, всё с себя и надевай на барина, а ты скидай всё своё платье и отдай ему: он теперь будет барином на твоём месте в вотчине, а ты будешь заместо его горшенею».

Хищения, совершаемые положительными персонажами — распространённый сюжет русских народных сказок. Так в сказке «Об Иванушке» главный герой совершает и хищение, и грабёж: «У царя взял золотую трубочку, у царёвой дочери — башмачок с чулком». В сказке «Про купца» волшебный старичок крадёт («берёт») курицу у богатого купца («Жил богатый купец, у него денег было много, не то, что мерами мерял, а лопатой грёб»). Совсем удивительные и нетипичные оценки воровству даются в бытовой сказке «Вор» [8, с. 61], где умение воровать оценивается героями как удаль и становится предметом соревнования: «Коли так, — говорит барин, — вот тебе мой приказ: украдь у меня чёрного быка из-под плуга; уворуешь — дам тебе сто рублей, не уворуешь —

влеплю сто плетей». И вроде бы воровство в этой сказке оправдано заботой о престарелых родителях, но в начале главный герой сам не хотел учиться работать и вёл иждивенческий образ жизни. Но при этом сумел проявить смекалку и изворотливость, и, в итоге, — он положительный персонаж, всё сложилось в его пользу, а воровство — это просто удасть. Такой же доблестью отличился главный герой сказки «Вороватый мужик», который нестандартными методами совершает серию мошеннических хищений у барина. В бытовой сказке «Солдатская загадка» [\[10, с. 14\]](#) солдаты похищают петуха, обманув жадную старуху. В сказке «Знахарь» [\[10, с. 98\]](#) «бедный да продувной мужичок» совершает серию мошеннических действий, обманывая всех и вся, тем не менее возмездие за это не наступает вследствие благоприятного для него стечения обстоятельств.

Как видно, хищение, совершённое положительными героями, не только не порицается и воспринимается как норма, но, иногда, и оценивается очень положительно. Напрашивается вывод о некоем своеобразном культурном отношении к институту собственности и институту хищения. Вывод, который говорит об отсутствии и неразвитости в русской культуре и общественной практике ценности собственности. Однако невозможно согласиться с подобной прямолинейной оценкой, по крайней мере, нет прямой зависимости между этими и подобными сказками и такими особенностями русского правосознания. В большинстве сказок хищение — отрицательное явление, за которое следует возмездие, а в перечисленных выше сказках воровство является, в своем роде, компенсацией, социальной местью за жадность (как в сказке «Солдатская загадка»), социальную несправедливость. И, более того, воровство представлено как один из способов борьбы добра со злом.

Очень редко, но встречается разделение героев на положительных и отрицательных по национальному признаку, соответственно и их поступки оцениваются по-разному, в зависимости от положительного или отрицательного статуса. Так в, видимо, более поздней сказке «Русский и жид» [\[10, с. 90\]](#) обман русским «жида» является нормой, так как «жид» — отрицательный персонаж, а русский — положительный.

Очень интересное отношение к установленному порядку выражено в бытовой сказке «Жена-доказчица» [\[10, с. 50\]](#). По сюжету сказки, мужик, нашедший клад должен был сообщить о своей находке барину, так как это было установленной нормой, проявлением социального порядка. Однако по причине своей хитрости и удали, он не стал этого делать. Он нарушил правило, не сообщил барину о находке клада, но его поведение одобряется рассказчиком. При этом жена систематически напоминала своему мужу о необходимости доложить барину, то есть призывала поступить по правилам. Объективно её поведение является положительным и ответственным, выражаясь современным языком, она проявила высокий уровень правовой культуры. Однако докучность жены перевешивает её ответственное поведение и формирует её отрицательный образ: «У бабы и волос длинен, да ум короток!». Обманув свою жену и барина, главный герой устроился наилучшим образом: «Барин пожалел мужика, что он такой несчастный, развёл его с женой, женил на другой, молоденькой да хорошей, и на волю отпустил. А мужик тотчас отрыл свой клад из земли и зажил самым лучшим манером». В этой сказке сталкиваются два представления о норме. С одной стороны, существует незыблемый порядок отношений барина и крепостного, который предписывает доложить барину о находке. С другой — удасть, хитрость и смекалка главного героя возводят в норму обман барина. Что это? Проявление другого уровня представлений о норме и мере? Или же это опять компенсация за социальную несправедливость, когда бедность и низкий социальный статус являются определённой индульгенцией? Ответить сложно.

Совершение отрицательных с моральной и правовой точек зрения поступков положительными сказочными героями является очень характерным феноменом. Как видно, эти герои могут красть, обманывать, совершать расправу, причём не только в отношении отрицательных персонажей. Некоторых героев сказок даже нельзя назвать положительными, это хитрецы, обманувшие других, но имеющие вид удалых, смекалистых персонажей. О чём всё это говорит? Полагаю есть несколько ответов на этот вопрос:

1. Во многих сказках отрицательные поступки героев связаны с борьбой с силами зла. Если герой сказки обманывает, крадёт, приводит к гибели, вершит самосуд над отрицательными персонажами, то он заранее оправдан — на войне как на войне. Здесь проявляется торжество добра над злом, в чём и есть высшая справедливость и порядок.

2. Зачастую обман, кража, грабёж и подобные деяния обращены против жадных, богатых, властных и подобных им персонажей. В таком случае сказка выполняет функцию психосоциальной компенсации, создавая иллюзорный мир высшей справедливости и порядка. Сказка помогает человеку, хотя бы на время, примириться с действительностью.

3. В некоторых случаях такое отрицательное, но одобряемое поведение главного героя, свидетельствует о проявлении правового нигилизма. Сказка в таком случае выстраивает альтернативную, народную правду, противопоставляющую себя официальной власти и официальной правде.

В какой-то степени, О. И. Мирошниченко отмечала архетип «двух жизней», характеризующий собой бессознательную установку русского человека на существование в рамках двух «правовых систем»: неписанного народного права и позитивного государственного [\[7, с. 11-12\]](#).

Следующим правовым архетипом, нашедшим своё отражение в русских народных сказках, является *архетип собственности*, проявляющийся в различных сюжетах. Самым распространённым из которых является сюжет о хищении, который встречается в подавляющем количестве сказок, и являющийся, зачастую, началом, завязкой всего сказочного сюжета. В сказках о животных посягательство на собственность вообще выступает как основа сюжета. Многочисленные сказки про лису описывают разнообразные способы хищений: кража, грабёж («схватила петушка»), мошенничество. В сказке «Лиса, заяц и петух» лиса не крадёт, а захватывает имущество — лубяную избёнку: «Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала».

В волшебных сказках тема посягательства на собственность также представлена довольно часто. В «Сказке об Иване-Царевиче, жар-птице и сером волке» описана серия хищений. Во-первых, жар-птица похищает царские золотые яблочки, а, во-вторых, происходит серия обманов и хищений со стороны главного героя. Причём, несмотря на положительный характер Ивана-Царевича, и, соответственно, изначальную индульгенцию его «противоправных» действий, один из царей оценил его воровство негативным образом: «Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал?». Иногда предметом хищения становятся волшебные или сакральные предметы, как в сказках «Золотая нога» и «Три брата». В некоторых случаях хищение выполняет вспомогательную роль, совершается не с целью наживы, а с целью показать умение, смекалку и удаль, как это видно в сказке «Об Иванушке»: «У царя взял золотую трубочку, у царёвой дочери — башмачок с чулком».

Хищение как проявление поведенческих стереотипов, интересно само по себе, оно отражает уровень правовой культуры, состояние законности, подчёркивает статус института собственности в общественном сознании. В русских народных сказках тема хищения занимает очень большое место. И это, на первый взгляд, может привести к выводу о формировании в зарождающемся национальном правосознании пренебрежительного отношения к собственности, терпимости по отношению к преступлениям против неё. Однако не стоит торопиться с таким выводом. Да, в тех сказках, где хищения совершаются положительным героем, они (хищения) не наказываются и не осуждаются. Но в данном случае сказки рисуют картины борьбы добра со злом, и в этой борьбе нет компромиссов, а значит всё прощается, и цель оправдывает средства. Возможно, в этих сюжетах нет пренебрежения к собственности. Очевидно, что более важными оказываются другие ценности. Очевидно и то, что воровство и другие посягательства на собственность описываются нейтрально или положительно, и не наказываются в тех сказках, где положительными героями оказываются «антисоциальные» персонажи. Это видно в сказках «Горшения», «Вор», «Воровская наука». По всей видимости, в таких сказках отражается, альтернативная официальной, народная правда, проявляется нигилистическое отношение к власти и установленному официальному порядку. Однако такие сказки встречаются нечасто, их сюжеты нельзя признать типичными. В большинстве сказочных сюжетов, — будь это волшебные, бытовые сказки или сказки о животных, — хищения порицаются и жёстко наказываются. Посягательство на собственность является грубым нарушением нормы. В 57,9 % сюжетах сказок по системе Андреева–Аарне ^[1], где отражается посягательство на собственность, отношение к преступлениям против собственности положительное или нейтральное, в 42,1 % — отрицательное. Можно сделать вывод о том, что собственность в русских народных сказках отражена почти в половине сюжетов в качестве высокой ценности, получает свою защиту, предусматривает возмездие за посягательство на неё. В сказочных сюжетах, затрагивающих посягательство на собственность, в полной мере находит своё отражение *архетип собственности*.

Указанный правовой архетип нашёл ещё одно выражение в русских народных сказках — это упоминания о многочисленных сделках. Количество и разнообразие сделок говорит о развитости обменных отношений.

В сказках о животных мы встречаем хрестоматийный договор о вершках и корешках («Мужик, медведь и лиса»). Очень интересная серия обязательств под отлагательным условием описана в сказке «Смерть петушка», где курочка, чтобы спасти своего мужа вынуждена бегать от одного персонажа к другому, выменивая одну собственность на другую. Очень яркий пример, показывающий незыблемость института собственности и высокую ценность договорных отношений. Собственность иногда упоминается в договоре наследства, особенно это актуализировано в сюжете спора или борьбы братьев или иных героев за него («Чудесная рубашка», «Заколдованная королевна»). Это описано в сказке «Золотая нога»: «стали тягать (родственники) у племянницы имущество после тётки, тягали, тягали, да всё оттягали». В сказке «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» описана целая серия договоров продажи, договоров мены, которые иногда носили мошеннический характер. В сказке «Пёрышко Финиста — Ясна Сокола» отражена серия договоров купли-продажи, причём один предмет — пёрышко оценивается продавцом в тысячу рублей. Здесь, конечно, такая цена отражает не ценность собственности как таковой, а волшебный характер этого предмета. В этой же сказке происходит обмен волшебных предметов на возможность побыть ночь с Финистом: «Ах, красна девица! Не продашь ли мне свою забаву?» — «Пожалуй продам!» — «А какая цена?» — «Позволь с твоим мужем ночь перебыть». В сказке доброе слово,

собственность выступает предметом многочисленных договоров купли-продажи. Причём в этой сказке очень отчётливо фигурируют деньги, заключаются многочисленные договоры займа. В сказке «Волшебная дудочка» договор купли-продажи обусловлен действием со стороны царевны: «Мужик, мужик! Продай одного поросёночка!» — «Непродажный, — говорит дурак, — заветный!» — «А велик ли завет?» — «Пушай царская дочь покажется мне без платья!».

Не все договоры касаются собственности, встречаются в сказках и договоры найма и договоры услуг. Но при этом договоры займа, купли-продажи, хранения, описанные в русских народных сказках, отражают развитость института собственности, восприятия его как общественную ценность, отражают защищённость собственности, иллюстрируют принцип незыблемости договора. В общем количестве сказочных сюжетов, в 64,7 % из них встречается упоминание о совершении разнообразных сделок.

Рассмотрим отражение *архетипа власти*. Во многих русских народных сказках (52,5 % от общего количества сюжетов) нельзя найти упоминания или даже следов власти. Герои этих сказок обходятся без неё, при этом могут устанавливать свой порядок сами или прибегая к власти волшебных сил. В сказках это хорошо выражается в сюжете самосуда. К примеру, в сказках о животных мы видим, как петух зарубил лису косою («Лиса, заяц и петух»), мужик забил медведя и натравил собак на лису («Мужик, медведь и лиса»), дрозд натравил собак на лису («Звери в яме»), кот забил лису («Кот, петух и лиса»), волка убил охотник («Волк-дурень»), мужик убил змею («Мужик и змея»). В волшебных сказках мы видим как главный герой расправляется с отрицательными персонажами в честном бою («Иван Быкович», «Никита Кожемяка», «Марья Моревна») или просто убивает представителей сил зла («Иван-Царевич и Белый Полянин», «Арысь-поле»). В бытовых сказках типичным сюжетом самосуда и расправы является возмездие неверной жене. Обманутый муж расстреливает жену («Чудесная рубашка»), убивает «полюбовника» и купчиху («Диво дивное, чудо чудное»), «взял, своему коню привязал её за хвост» («Про казака»), убивает друга жены («Лукавая жена»). В сказке «Про купцову жену» главный герой пытался утопить жену за мнимую измену. Однако в этой сказке мы видим проявление власти в том, что главный герой за такую попытку был посажен в острог. Очень яркое доказательство того, что ранняя государственная власть во всех обществах боролась с самосудом. В вышеперечисленных сказках, как видно, архетип власти не отражён. Видимо, это отражение реальной слабости ранней государственной власти и распространения самосуда в средневековье.

В некоторых (47,5 % от общего количества сюжетов) сказках власть нашла своё отражение. Прежде всего это выразилось в описании и оценке института царской власти. Даже в сказках о животных можно найти такое упоминание. Допустим, в сказке «Орёл и птицы» показана чёткая иерархия птиц как отражение социальной и государственной иерархии. При этом Орёл выступает как олицетворение царской власти. В большинстве волшебных сказок фигура царя или короля — одна из центральных фигур. Причём царь или король в равной степени могут быть как положительными («Никита Кожемяка») так и отрицательными («Три царства») персонажами. Следует отметить, что положительные и отрицательные образы царей настолько равномерно распределены между сказками, что невозможно однозначно судить об «оппозиционности» или «лояльности» сказок к царской власти. Если царь положительный, то он справедлив, честен и мудр, если отрицательный — завистлив, лжив и слаб. То есть фигура царя в сказках мало чем отличается от других персонажей. Тем не менее, и в том, и в другом случаях царская власть непрекаема как таковая. То есть сам институт власти описан как трансцендентная сила, и в этом как раз проявляется сам *архетип власти*. Примечательно

выражение одного из героев «Сказки об Иване-Царевиче, жар-птице и о сером волке» о ценности царской власти: «Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому». Или пример бытового отношения к царской власти: «А царская милость кому не дорога?» («Жар-птица и Василиса-Царевна»).

Архетип власти нашёл своё отражение и в небольшом количестве упоминаний о социальной иерархии. В упомянутой уже нами сказке «Орёл и птицы» описана иерархия «птичьего» общества. В сказке «Кот и лиса» лиса представляет своего мужа — кота бурмистром, а сама представляется «бурмистровой женой». В более поздней сказке «Морока» отражена служебная иерархия.

Еще одно отражение *архетипа власти* — это упоминание в сказочных сюжетах о правосудии. Исторический переход от самосуда и божьего суда к правосудию нашёл своё отражение и в сказках. В «Сказке о Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове» суд описан достаточно подробно. Есть сом — судья праведный, стрелец-боец, карась-палач. Перечисляются доказательства: свидетели, московские крепости, письменные грамоты. В сказке «Мужик и змея» главный герой поочерёдно обращается к авторитетным лицам (заяц, волк и лиса) с просьбой рассудить их спор со змеей. Конечно, в этой сказке нет суда, но сама возможность и принцип независимости правосудия отражены. Характерное описание облика правосудия содержится в сказке «Правда и кривда», где судья и писарь утверждают, что жить лучше по кривде. В этой сказке нашла своё отражение горькая ирония о несправедливости и несовершенстве жизни и коррумпированности ранних судебных инстанций. В итоге правда одержала победу, и в который раз сказка вновь выполняет *функцию психосоциальной компенсации*, утверждая победу добра над злом. В сказке «По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре» отчасти описан судебный процесс: «Собралися, съехалися люди старшие — нет числа! Судят-рядят, придумывают-пригадывают, и придумали: царевне отрубить голову. — Нет, — сказал главный судья, — слушайте меня или нет, а моя вот речь: выколоть ей глаза, засмолить с ребёнком в бочке и пустить на море; виновата — потонет, права — выплывет». Суд в сказках является не только прерогативой царской или центральной власти, но и правом общины. В сказке «Рассказы о ведьмах» описывается наказание ведьмы: «Мир наградил казака деньгами, а эту ведьму присудил утопить». В целом, институт судебной власти достаточно редко встречается в сюжетах русских народных сказок — только в 2,8 % от общего количества сюжетов, связанных с упоминанием власти вообще.

Подводя итог описанию отражения *архетипа власти* в сюжетах русских народных сказок, ещё раз отметим, что он выразился в описании института царской власти, социальной иерархии и суда. В чём сказки похожи, так это в том, что власть фигурирует в них как раз и навсегда данная реальность, часть мирового порядка. И именно в этом прослеживается влияние *архетипа власти*.

Следующий правовой архетип — это *архетип личности*. Русские народные сказки дают замечательный материал позволяющий провести анализ положения личности в зависимости от социального статуса и роли, которую герой играет в сюжете сказки. Особое значение имеет степень свободы человека. Следует отметить, что наименование данного архетипа очень условно, даже более условно, чем наименования других, потому как процесс осознания личности, осознания своей правосубъектности далеко выходит за пределы юриспруденции. Необходимо подчеркнуть, что русские народные сказки удивительно индивидуалистичны: в центре сюжета всегда находится герой, обладающий широкой гаммой индивидуальных качеств, имеющий яркое описание. И на первый взгляд, в сказках вообще не отражается тема соборности, коллективизма, не прослеживается архетип «симфонической личности», а наоборот — проявляется архетип

«героя» [\[11, с. 22-25\]](#). Подводя общий итог, следует заметить, что в настоящем исследовании выделены основные правовые архетипы, к которым относятся: архетип эквивалентности, архетип порядка, архетип собственности, архетип власти, архетип личности. Выделение данных архетипов в определённой степени условно, так как эти элементы коллективного бессознательного не даны нам как непосредственная эмпирическая данность. Можно говорить о разной степени обобщённости данных архетипов. Каждый из них может быть «раздроблен» на несколько других архетипов, каждый из них пересекается и взаимосвязан с другими. Тем не менее, все перечисленные нами правовые архетипы отвечают основным их признакам: а) они представляет собой структурный элемент коллективного бессознательного, то есть их существование не зависит от психических процессов отдельно взятого индивидуума; б) они не поддаются непосредственному эмпирическому наблюдению, а проявляют себя косвенно, выражаясь в мифах и сказках; в) они типичны и повторяемы; г) они универсальны, проявляются в сюжетах, которые очень схожи у народов разных культур.

Библиография

1. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Ленинград: издание Гос. русского географического о-ва, 1929. 118 с.
2. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1913. Т. 1. 224 с.
3. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 2. 335 с.
4. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 3. 292 с.
5. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 4. 288 с.
6. Афанасьев А. Н. Русские народные сказки А. Н. Афанасьева / под ред. А. Е. Грузинского; с картинами А. Комарова, М. Щеглова: в 5 т. Москва: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. Т. 5. 275 с.
7. Мирошниченко О. И. Русский культурный архетип как средство идентификации современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мирошниченко Ольга Игоревна. Москва, 2016. 33 с.
8. Народные русские сказки: из сборника А. Н. Афанасьева / тексты отобраны В. П. Аникиным; вступ. ст., словарь В. П. Аникина; худож. Т. Маврина. Москва: Художественная литература, 1982. 319 с.
9. Попова Ю. Е. Феномен правового архетипа эквивалентности и его отражение в русских народных сказках // Юридические исследования. 2021. № 11. С. 1–14. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2021.11.36948>.
10. Русские народные сказки и побасенки: сборники Е. А. Чудинского и А. А. Эрленвейна. Иваново: Роцца, 2017. 265 с.
11. Тюрин М. Г. Архетипы национальной правовой культуры: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тюрин Максим Григорьевич. Ростов-на-Дону, 2008. 29 с.
12. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. Москва: Синдбад, 2020. 520 с.
13. Юнг К. Г., фон Франц М.-Л., Хендерсен Д., Яффе А., Якоби И. Человек и его символы / введ. Д. Фримана; пер. с англ. С. Н. Сиренко, Н. А. Сиренко. Москва: Серебряные

нити; Санкт-Петербург: АСТ, 1997. 367 с.

14. Hill K., Hurtado A. M. *Ache Life History: The Ecology and Demography of a Foraging People*. New York: Aldine de Gruyter, 1996. 581 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной на рецензирование статье является, как это следует из ее наименования, отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках. Заявленные границы исследования соблюдены ученым.

Методология исследования в тексте статьи не раскрывается.

Актуальность избранной автором темы исследования в тексте статьи не обосновывается. Дополнительно ученому необходимо перечислить фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Научная новизна работы проявляется в ряде заключений автора: "Проступки, описанные в русских народных сказках, очень ярко отражают архетип порядка. Как правило, все они жестоко наказываются или самими главными героями, или властью, или волшебной силой. Поддержание порядка — одна из генеральных задач человеческого общества, которая решается в бескомпромиссной и, зачастую, в кровопролитной борьбе. Сказки же, в свою очередь, очень ярко и художественно отобразили эту борьбу. Пожалуй, самым интересным явлением в анализе архетипических образов в сказках является «конкуренция» правовых архетипов. Весьма распространённым элементом сюжета сказки является совершение главным положительным героем отрицательных поступков, которые не имеют отрицательной характеристики в самой сказке"; "Как видно, хищение, совершённое положительными героями, не только не порицается и воспринимается как норма, но иногда и оценивается очень положительно. Напрашивается вывод о некоем своеобразном культурном отношении к институту собственности и институту хищения. Вывод, который говорит об отсутствии и неразвитости в русской культуре и общественной практике ценности собственности. Однако невозможно согласиться с подобной прямолинейной оценкой, по крайней мере, нет прямой зависимости между этими и подобными сказками и такими особенностями русского правосознания. В большинстве сказок хищение — отрицательное явление, за которое следует возмездие. А в перечисленных выше сказках воровство является, в своем роде, компенсацией, социальной местью за жадность (как в сказке «Солдатская загадка»), социальную несправедливость. И, более того, воровство представлено как один из способов борьбы добра со злом"; "1. Во многих сказках отрицательные поступки героев связаны с борьбой с силами зла. Если герой сказки обманывает, крадёт, приводит к гибели, вершит самосуд над отрицательными персонажами, то он заранее оправдан — на войне как на войне. Здесь проявляется торжество добра над злом, в чём и есть высшая справедливость и порядок. 2. Зачастую обман, кража, грабёж и подобные деяния обращены против жадных, богатых, властных и подобных им персонажей. В таком случае, сказка выполняет функцию психосоциальной компенсации, создавая иллюзорный мир высшей справедливости и порядка. Сказка помогает человеку, хотя бы на время, примириться с действительностью. 3. В некоторых случаях такое отрицательное, но одобряемое поведение главного героя, свидетельствует о проявлении правового нигилизма. Сказка в таком случае выстраивает альтернативную, народную правду, противопоставляющую

себя официальной власти и официальной правде" и др. Таким образом, статья вносит определенный вклад в развитие отечественной правовой науки и, безусловно, заслуживает внимания потенциальных читателей.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор описывает основные правовые архетипы, встречающиеся в русских народных сказках. В заключительной части работы содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи соответствует ее наименованию, но не лишено недостатков.

Так, автор пишет: "Результаты исследования русских народных сказок на предмет отражения в них ранних правовых идей позволяют сформулировать гипотезу, согласно которой сказка представляет собой систему отражения и трансляции культурных ценностей, которые, в свою очередь, включают в себя зарождающееся и развивающееся правосознание". Культурные ценности включают в себя правосознание или правосознание включает в себя ценности?

Ученый отмечает: "Мною было сформулировано определение правового архетипа". В научной статье не допускается обращение к аудитории от первого лица ("я", "мною" и т.п.).

Автор указывает: "Отмечая архетип эквивалентности можно сделать вывод, что он является универсальным правовым архетипом, проявившим своё разнообразное проявление в русских народных сказках" - "Отмечая архетип эквивалентности, можно сделать вывод, что он является универсальным правовым архетипом, отразившимся в русских народных сказках" (см. на запятую и стилистические погрешности).

Ученый отмечает: "Все они, в той или иной степени участвуют в процессе торжества справедливости [9]" - "Все они в той или иной степени участвуют в процессе торжества справедливости [9]" (запятая является лишней).

Таким образом, статья нуждается в дополнительном вычитывании - в ней встречаются множественные опечатки, пунктуационные и стилистические ошибки (приведенный в рецензии перечень опечаток и ошибок не является исчерпывающим!).

Библиография исследования представлена 14 источниками (монографией, научными статьями, художественной литературой, указателем), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной.

Апелляция к оппонентам имеется, но носит общий характер в силу направленности исследования. Научная дискуссия ведется автором корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования имеются ("Подводя общий итог, следует заметить, что в настоящей статье выделены основные правовые архетипы, к которым относятся: архетип эквивалентности, архетип порядка, архетип собственности, архетип власти, архетип личности. Выделение данных архетипов в определённой степени условно, так как эти элементы коллективного бессознательного не даны нам как непосредственная эмпирическая данность. Можно говорить о разной степени обобщённости данных архетипов. Каждый из них может быть «раздроблен» на несколько других архетипов, каждый из них пересекается и взаимосвязан с другими. Тем не менее, все перечисленные нами правовые архетипы отвечают основным их признакам: а) они представляет собой структурный элемент коллективного бессознательного, то есть их существование не зависит от психических процессов отдельно взятого индивидуума; б) они не поддаются непосредственному эмпирическому наблюдению, а проявляют себя косвенно, выражаясь в мифах и сказках; в) они типичны и повторяемы; г) они универсальны, проявляются в сюжетах, которые очень схожи у народов разных

культур"), они четкие, конкретные, обладают свойствами достоверности, обоснованности и, несомненно, заслуживают внимания научного сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен прежде всего со стороны специалистов в сфере теории государства и права, истории отечественного государства и права при условии ее доработки: раскрытии методологии исследования, обосновании актуальности его темы, устранении многочисленных нарушений в оформлении статьи.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. В рецензируемой статье «Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках» предметом исследования являются русские народные сказки как объект отражения в них ранних правовых идей.

Методология исследования. Методологический аппарат составили следующие диалектические приемы и способы научного познания: анализ, абстрагирование, индукция, дедукция, гипотеза, аналогия, синтез, типология, классификация, систематизация и обобщение. Применение современных приемов и способов научного познания позволило автору сформировать собственную аргументированную позицию по заявленной проблематике.

Актуальность исследования. Исследование проблематики источников права и правового регулирования всегда отличается особой важностью и значимостью. Автор правильно отмечает, что «результаты исследования русских народных сказок на предмет отражения в них ранних правовых идей позволяют сделать вывод, согласно которому сказка представляет собой систему отражения и трансляции культурных ценностей, которые, в свою очередь, включают в себя зарождающееся и развивающееся правосознание. Для исследования системы отражения и трансляции культурных ценностей, связанных с "юридическим" элементом в русских народных сказках необходимо обратиться к феномену архетипа, а также сформулировать и обосновать понятие правового архетипа». Данные обстоятельства обуславливают необходимость доктринальных разработок по данной проблематике в целях совершенствования правового регулирования современных общественных отношений.

Научная новизна. Не подвергая сомнению важность проведенных ранее научных исследований, послуживших теоретической базой для данной работы, тем не менее, можно отметить, что в этой статье впервые сформулированы положения, отличающиеся научной новизной: например, «...выделены основные правовые архетипы, к которым относятся: архетип эквивалентности, архетип порядка, архетип собственности, архетип власти, архетип личности. Выделение данных архетипов в определённой степени условно, так как эти элементы коллективного бессознательного не даны нам как непосредственная эмпирическая данность. Можно говорить о разной степени обобщённости данных архетипов. Каждый из них может быть «раздроблен» на несколько других архетипов, каждый из них пересекается и взаимосвязан с другими. Тем не менее, все перечисленные нами правовые архетипы отвечают основным их признакам: а) они представляет собой структурный элемент коллективного бессознательного, то есть их существование не зависит от психических процессов отдельно взятого индивидуума; б) они не поддаются непосредственному эмпирическому наблюдению, а проявляют себя косвенно, выражаясь в мифах и сказках; в) они типичны и повторяемы; г) они универсальны, проявляются в сюжетах, которые очень схожи у народов разных

культур». В статье содержатся и другие положения, не только отличающиеся научной новизной, но и имеющие практическую значимость, которые можно расценить как вклад в отечественную юридическую науку.

Стиль, структура, содержание. Тема раскрыта, содержание статьи соответствует ее названию. Соблюдены автором требования по объему материала. Статья написана научным стилем, использована специальная юридическая терминология. Статья структурирована. Материал изложен последовательно, грамотно и ясно. Автор не только обозначает существующие проблемы, но и предлагает свои решения, которые заслуживают внимания.

Библиография. Автором использовано достаточное количество доктринальных источников. Ссылки на источники оформлены с соблюдением требований библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. По спорным вопросам заявленной тематики представлена научная дискуссия, обращения к оппонентам корректные. Все заимствования оформлены ссылками на автора и источник опубликования.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья «Отражение основных правовых архетипов в русских народных сказках» рекомендуется к опубликованию. Статья соответствует тематике журнала «Юридические исследования». Статья написана на актуальную тему, отличается научной новизной и имеет практическую значимость. Данная статья могла бы представлять интерес для широкой читательской аудитории, прежде всего, специалистов в области истории права, философии права и общей теории права, а также, была бы полезна для преподавателей и обучающихся юридических вузов и факультетов.